

Claude Lévi-Strauss

NOUS SOMMES TOUS
DES CANNIBALES

précédé de

LE PÈRE NOËL SUPPLICIÉ

*Avant-propos
de Maurice Olender*

Клод Леви-Стросс

ВСЕ МЫ
КАННИБАЛЫ,

а также

КАЗНЬ ДЕДА МОРОЗА

*Предисловие
Мориса Олендера*

*Перевод с французского
Е. Морозовой и Е. Чебучевой*

МОСКВА «ТЕКСТ» 2019

УДК 39
ББК 63.5
Л36

ISBN 978-5-7516-1527-7

© Éditions du Seuil, 2013

Collection *La Librairie du XXIe siècle*,

sous la direction de Maurice Olender

© Е. Морозова, Е. Чебучева, перевод, 2019

© «Текст», издание на русском языке, 2019

ПРЕДИСЛОВИЕ

Статьи, включенные в настоящий сборник, Клод Леви-Стросс написал по просьбе крупной итальянской газеты La Repubblica. В результате собралось шестнадцать новых текстов на французском языке, которые в 1989–2000 годах объединили под одной обложкой.

Отталкиваясь каждый раз от актуального события, Леви-Стросс так или иначе вступает в полемику по злободневному вопросу. Но о чем бы ни писал этнолог: об эпидемии так называемого «коровьего бешенства», о различных формах каннибализма (пищевого или терапевтического) или о расовых предрассудках, связанных с ритуальными практиками (эксцизия или же обряд обрезания), он всегда помнит слова Монтеня, ставшие пророческими в новой истории Запада: «Каждый называет варварством то, что ему непривычно», — и призывает нас не забывать о них при оценке происходящих на наших глазах событий.

Леви-Стросс убедительно показывает, что любой обряд, ритуал или обычай, «каким бы странным, скандальным или даже оскорби-

тельным он ни казался», следует рассматривать только в его собственном контексте. Именно поэтому в 1992 году, когда отмечалось четырехсотлетие со дня смерти Монтеня, антрополог возобновляет по-прежнему актуальную философскую дискуссию: «С одной стороны — философия Просвещения, подвергающая критике все когда-либо существовавшие исторические сообщества и прославляющая утопическое общество, построенное на рациональных началах. С другой стороны — релятивизм, отвергающий любой абсолютный критерий, на который культура могла бы опереться, высказывая суждение о различных обычаях и традициях. Выход из этого противоречия все, начиная с Монтеня, непрестанно ищут и по сей день».

Как и во всех трудах Леви-Стросса, в этом сборнике, заголовком которого стало название одной из его статей, подчеркивается неразрывная связь между «мышлением мифологическим и мышлением научным», однако второе не сводится к первому. Ученый напоминает, что между обществами, именуемыми развитыми, и обществами, ошибочно названными «примитивными или архаическими», расстояние отнюдь не столь велико, как могло бы показаться. Данное заключение подтверждается рядом фактов, а точнее, доказываемая с помощью определенной методики, претендующей на вразумительный подход к исследованию повседневности: «Далекое мо-

жет помочь понять близкое, а близкое может объяснить далекое».

Именно такого рода исследование, такой «практический» подход, когда близкое и далекое взаимно объясняют друг друга, представлен уже в 1952 году в работе «Казнь Деда Мороза», опубликованной в начале книги (статья, написанная для журнала *Les Temps modernes*). В этой статье, посвященной недавно возникшему на Западе обычаю, Клод Леви-Стросс пишет: «Не каждый день этнологу выпадает возможность наблюдать внутри того общества, к которому он сам принадлежит, внезапное развитие ритуала или даже культа». Тем не менее он предусмотрительно добавляет, что наше собственное общество понять легче и одновременно труднее: «Легче, потому что сохраняется непрерывность опыта, все его ключевые моменты и нюансы. А труднее — потому что в таких случаях, очень редких, осознается предельная сложность даже малейших социальных трансформаций».

В статьях, отмеченных печатью последних лет XX века, великий антрополог продолжает удивлять нас своей пронзительной ясностью ума, соседствующей с бодрящим пессимизмом. Переведенный на три десятка языков, этот сборник знаменует начало XXI века.

Морис Олендер

КАЗНЬ
ДЕДА МОРОЗА

1952 г.

Рождественские праздники 1951 года во Франции ознаменовались полемикой, которая всколыхнула и прессу, и общественность и в эти обычно радостные дни прозвучала неожиданно горькой нотой. Церковь устами своих прелатов уже несколько месяцев выражала неодобрение тому факту, что и в быту, и в коммерции все большее значение приобретает персонаж Деда Мороза. Они с тревогой вещали о «паганизации» праздника Рождества: общественное сознание отворачивается от его изначального христианского смысла в сторону чуждого религии мифа. В сочельник атака получила дополнительный импульс: к голосу католической церкви в более сдержанном, но столь же решительном тоне присоединился голос протестантской. Газеты уже печатали письма читателей и статьи с разными мнениями, как правило — враждебными

церковному, свидетельствовавшие о живом интересе общества к конфликту. Апогеем его стало массовое мероприятие 24 декабря, суть которого корреспондент газеты «Франс-суар» коротко изложил так:

НА ГЛАЗАХ У ДЕТЕЙ ПЕРЕД ДИЖОНСКИМ
СОБОРОМ БЫЛ СОЖЖЕН ДЕД МОРОЗ

*Дижон, 24 декабря
(корр. «Франс-суар»)*

Вчера Дед Мороз был повешен на решетке Дижонского собора, после чего публично сожжен на паперти. Эта зрелищная казнь развернулась на глазах нескольких сотен приходских детей. Прошла она с согласия церковнослужителей, которые вынесли Деду Морозу приговор как самозванцу и еретику. Его обвинили в том, что он паганизировал праздник Рождества, незаконно водворился в нем, подобно птенцу кукушки, и захватывает все больше и больше места. Особенно же его ругают за вторжение в государственные школы, откуда методично изгоняются рождественские ясли.

В воскресенье в три часа пополудни злосчастный дедушка вслед за множеством невинных душ поплатился за ошибку тех, кто будет рукоплескать его казни. Белая борода занялась огнем, и жертва пропала в дыму.

По завершении расправы было обнародовано официальное сообщение, главная мысль которого изложена в следующих словах.

Выражая стремление прихожан бороться против лжи, двести пятьдесят детей собрались у главного входа в Дижонский кафедральный собор и сожгли Деда Мороза.

Это было не просто зрелище, а символический жест. Дед Мороз стал истинной жертвой. Правда в том, что ложь не может пробудить в ребенке религиозное чувство и ни в коем случае не является средством воспитания. Пусть другие говорят и пишут, что хотят, пусть выставляют Деда Мороза противовесом Плеточнику*. Мы же, христиане, в этот праздник должны по-прежнему славить Рождество Спасителя.

Казнь Деда Мороза на соборной паперти была воспринята горожанами неоднозначно и даже среди католиков вызвала резкие комментарии.

Эта несвоевременная манифестация чревата последствиями, которых ее организаторы не предусмотрели.

---

* Плеточник (*фр.* Père Fouettard), в отличие от Деда Мороза (*фр.* Père Noël), не одаривает детей, а наказывает за плохое поведение. (Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, прим. перев.)

Город разделился на два лагеря.

Ожидается воскресение Деда Мороза, убитого вчера на соборной паперти. Он восстанет из мертвых сегодня в шесть часов вечера в мэрии. Официально объявлено, что он созывает детей Дижона на площадь Свободы: там, опустившись в свете прожекторов на крышу мэрии, он их поздравит, как это бывало каждый год.

Мэр Дижона каноник Кир, скорее всего, не станет высказывать свою позицию в столь щекотливом вопросе.

Казнь Деда Мороза в тот же день вышла на первое место в новостной хронике. Ни одна французская газета не оставила это событие без комментария; некоторые из них, в том числе самая крупнотиражная, процитированная выше «Франс-суар», даже посвятили ему передовицу. В общем и целом действия дижонского духовенства осуждались, так что церковные власти вроде бы сочли за лучшее пойти на попятную или, по крайней мере, соблюдать сдержанность. А вот мнения наших министров, по слухам, разделились. Тон большинства статей сентиментален и вполне тактичен: вера в Деда Мороза — это же так красиво, вреда никому не наносит, дети получают море удовольствия и запасаются чудесными воспоминаниями для взрослой жизни и т. д. По сути,

решение проблемы подменяется бегством от нее, ведь не любовь детей к Деду Морозу требует обоснования, а причины, побудившие взрослых его придумать. В любом случае единодушные комментаторов неоспоримо указывает на то, что общество и церковь в этом вопросе расходятся. Несмотря на свою локальность, дижонский инцидент имеет большое значение: во французском обществе, по большей части неверующем, со времен оккупации наблюдается постепенное примирение с религией, доказательством чему служит участие в правительстве конфессионально ориентированной партии «Народно-республиканское движение». Однако традиционные антиклерикалы, и не только в Дижоне, увидели в этом инциденте неожиданную выгоду и спонтанно объявили себя защитниками Деда Мороза. Рождественский персонаж как символ безбожия — что за парадокс! Получается, церковь представляет критическое мышление и борется за правду и честность, а рационалисты выступают на стороне суеверия. Внешне очевидный обмен ролями наводит на мысль, что фактически дело совсем не так просто. Перед нами симптоматичное проявление очень быстрой эволюции нравов и верований, прежде всего во Франции, но, вероятно, и за ее пре-

делами. Не каждый день этнологу выпадает возможность наблюдать внутри того общества, к которому он сам принадлежит, внезапное развитие ритуала или даже культа, изучать его причины и воздействие на другие формы религиозной жизни и, наконец, пытаться понять, о каких глубинных трансформациях говорят лежащие на поверхности события, в чьей важности церковь, знающая толк в таких вещах, нисколько не ошибается (по крайней мере, когда не выходит за рамки этой оценки).

* * *

Уже года три, иначе говоря, с тех пор как состояние нашей экономики более или менее нормализовалось, Рождество во Франции празднуют с невиданным до войны размахом. И масштабы, и формы, которые принимает торжество, — явным образом прямой результат влияния и авторитета Соединенных Штатов Америки. Одновременно появились: высокие елки на перекрестках и главных улицах, вечером освещенные огнями; красочная упаковочная бумага для рождественских подарков; поздравительные открытки и обычай всю праздничную неделю держать их на каминной полке; жестяные кружки для сбо-

ра пожертвований, выставляемые Армией Спасения на дорогах и площадях; наконец, в крупных магазинах появились ряженые — Деда Морозы, которым дети поверяют новогодние желания. Еще несколько лет назад французы, побывавшие в Соединенных Штатах, считали все эти обычаи причудой и ребячеством, неопровержимым свидетельством глубокой несовместимости двух менталитетов. И вот теперь они пересажены на французскую почву, причем так легко прижились и распространились, что есть о чем задуматься историкам культуры.

Здесь, как и в других областях жизни, мы присутствуем при обширном процессе диффузии, скорее всего, мало отличном от архаических аналогов, обычно изучаемых по чужим примерам вроде воздушного огнива или пироги с балансиром. Рассуждать о событиях, свидетели которых — мы сами, а место действия — наше собственное общество, одновременно и легче, и труднее. Легче, потому что сохраняется непрерывность опыта, все его ключевые моменты и нюансы. А труднее — потому что в таких случаях, очень редких, осознается предельная сложность даже малейших социальных трансформаций и видимые причины процессов, в которых мы участвуем, весьма далеки от ис-

тинных факторов, распределяющих среди нас роли.

Поэтому объяснять эволюцию празднования Рождества во Франции одним лишь влиянием Соединенных Штатов было бы слишком просто. Факт заимствования бесспорен, но не исчерпывает всех причин. Кратко перечислим очевидные: во Франции больше американцев, чем раньше, и они празднуют Рождество по-своему; кино, «дайджесты» и романы, репортажи крупных газет познакомили нас с американскими нравами, а последние в благоприятном ключе связываются с военной и экономической мощью Соединенных Штатов; не исключено даже, что внедрению некоторых товаров, необходимых в рождественском ритуале, прямо или косвенно способствовал план Маршалла. Но всего этого недостаточно, чтобы объяснить описываемый феномен. Завезенные из Штатов обычаи утвердились даже в тех слоях населения, где об их происхождении никто не имеет понятия. В рабочей среде, где коммунистическая пропаганда наверняка опорочила бы все, на чем стоит знак «made in USA», их приняли так же охотно, как всюду. Помимо простой диффузии уместно упомянуть очень важный процесс, изначально выделенный Крёбером и названный им диф-

фузией стимула (*stimulus diffusion*), когда привнесенный обычай не ассимилируется, а скорее играет роль катализатора: само его появление вызывает к жизни идентичный обычай, который потенциально уже существовал во вторичной среде. Приведем пример, непосредственно касающийся нашей темы. Бумажный фабрикант едет в Америку по приглашению коллег или в составе экономической миссии и видит, что там производят особую бумагу для упаковки рождественских подарков; он заимствует идею — это явление диффузии. Парижская домохозяйка идет в ближайший писчебумажный магазин за бумагой для упаковки подарков и обнаруживает на витрине образцы красивее и качественнее тех, которыми довольствовалась ранее; она ничего не знает об американском обычае, но красивая бумага удовлетворяет ее эстетическую потребность и соответствует ее эмоциональному предпочтению, которые уже были заложены, но не получали выхода. Она не заимствует чужой обычай напрямую (как фабрикант), но, будучи принят, этот обычай стимулирует возникновение аналога.

Далее, не следует забывать, что празднование Рождества начало набирать силу во Франции и во всей Европе еще перед

войной. В первую очередь это обусловлено последовательным ростом уровня жизни, но есть и более глубокие основания. Несмотря на множество архаичных персонажей, Рождество в известном нам виде — праздник достаточно современный. Традиция вешать омелу не является пережитком друидического ритуала, по крайней мере непосредственным его продолжением, поскольку вернулась в обиход, по всей видимости, в Средние века. Рождественская елка впервые упоминается в ряде немецких текстов XVII века; в Англии ее знают с XVIII века, во Франции — только с XIX. Литтре*, надо полагать, имел о ней смутное представление или просто отличное от нашего, потому что в статье «Рождество» написал, что так называется «в некоторых областях ветка ели или остролиста, пестро украшенная, обязательно увешанная конфетами и игрушками для детей, которые собираются в предвкушении этой радости». Разнообразие имен персонажа, раздающего детям подарки — Дед Мороз, святой Николай, Санта-Клаус, — говорит о том, что это собирательный образ, а не сохранившийся повсеместно с древних времен прототип.

---

*Эмиль Литтре (1801–1881) — составитель 4-томного «Словаря французского языка».

Но современность не изобретательна: она ограничивается тем, что по кусочкам, по деталям восстанавливает старинное торжество, чье значение никогда не забывалось полностью. Если для Литтре рождественская елка — почти экзотика, то Шерюэль* в своем «Историческом словаре порядков, нравов и обычаев Франции» (по признанию самого автора, переработке словаря французской старины Сент-Пале**) дает показательную характеристику: «На Рождество... в течение многих веков и *вплоть до недавнего времени* [курсив наш] веселились всей семьей»; затем описываются рождественские увеселения XIII века, похоже, ни в чем не уступавшие нынешним. Следовательно, перед нами ритуал, значение которого в разные периоды истории менялось: он переживал и апогей, и упадок. Американский вариант — просто самая современная его трансформация.

Заметим по случаю, что этот набор фактов убедительно доказывает, насколько неправильно доверять слишком простым объяснениям, автоматически ссы-

---

* Пьер Адольф Шерюэль (1809–1891) — французский историк.

** Жан-Батист де Ла Кюрн де Сент-Пале (1697–1781) — французский историк, филолог, лексикограф.

латься на «остатки» и «пережитки», когда исследуешь подобного типа проблемы. Если бы в доисторические времена не было культа деревьев, нашего продолжение в различных фольклорных обычаях, возможно, современная Европа и не «придумала» бы рождественскую елку. Как мы показали выше, это именно нововведение, но возникло оно не на пустом месте. У нас немало сведений и о других средневековых обычаях: рождественское полено (в Париже его превратили в пирожное) — толстый ствол дерева, который жгли целую ночь; рождественские свечи внушительных размеров — для той же цели; украшение зданий (наследие римских сатурналий, мы к ним еще вернемся) плющом, остролистом, еловыми лапами; наконец, уже без всякой связи с Рождеством в романах о рыцарях Круглого стола упоминается необычайное дерево, усыянное огнями. В этом контексте рождественская елка предстает как синкретический вариант, объединивший в себе обязательные элементы отдельных звеньев: волшебство, огни, долгое свечение, стойкую зелень. И наоборот, Дед Мороз в своем нынешнем качестве — современный продукт; еще более поздним является поверье, вынудившее датчан открыть специальное почтовое отделение, где отвеча-

ют на письма детей со всего мира, что он живет в Гренландии (датская территория) и разъезжает в санях, запряженных северными оленями. Есть даже мнение, что этот компонент легенды распространился главным образом в последнюю войну, когда в Исландии и Гренландии расположились американские военные. Однако северные олени возникли неслучайно. Английские источники эпохи Возрождения упоминают о трофеях — головах северных оленей, выставлявшихся на рождественском балу, и это еще до веры в Деда Мороза и тем паче до того, как сформировалась легенда о нем.

Итак, чтобы сохранить, изменить или оживить старинные обычаи, их ингредиенты мешают и перемешивают, дополняют, находят непривычные формулы. Возрождение Рождества — хочется назвать этот феномен так, и здесь нет игры слов, — не представляет собой ничего специфически нового. Почему же оно всех взбудоражило и почему именно фигура Деда Мороза вызывает ожесточение?

* * *

Дед Мороз одет в красное: он король. Его белая борода, шуба и сапоги, сани, в которых он путешествует, связаны с зимой. Его зовут Дедом, и он действительно ста-